

О братьях Весниных, создавших архитектурный конструктивизм, их окружении и военных нравах

<http://oralhistory.ru/talks/orh-689>

🎙 20 февраля 1979

Собеседник

Веснина Наталья Михайловна

Ведущие

Дувакин Виктор Дмитриевич, Тейдер Валентина Федоровна

Дата записи

Беседа записана 20 февраля 1979 и опубликована 5 мая 2016.

Введение

Наталья Михайловна Веснина, певица и актриса, жена одного из крупнейших русских архитекторов В.А. Веснина, рассказывает о своей семье и семье мужа, где три брата были талантливыми архитекторами, очень известными в стране, придумавшими и развившими архитектурный стиль конструктивизм. Веснина делится воспоминаниями об их коллегах, среди которых Ле Корбюзье, Щусев, Буров, а также рассказывает о своем образовании и судьбе своих сестер.

К сожалению, вторая беседа о театральной карьере, К.С. Станиславском и коллегах-актерах не состоялась.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Ваша фамилия Багриновская?

Наталья Михайловна Веснина: Все-таки придется мне рассказать. Я постараюсь поменьше о себе.

В.Д.: Надо обязательно, я же вам сказал.

Н.В.: Иначе нельзя понять, почему наш друг чудесный...

В.Д.: Значит, ваша фамилия Багриновская. А год рождения?

Н.В.: Пожалуйста, я никогда не скрывала. Мне будет 1 ноября восемьдесят восемь лет. Я родилась в 1891 году 19 октября. И вот вам интересный факт. Дело в том, что когда мне было всего, наверное, лет шесть-семь (это для характеристики нашего дома), мама меня позвала, поставила между колен и сказала: «Наташа, запомни на всю жизнь: ты родилась в замечательный день 19 октября, а Александр Сергеевич Пушкин (я запомнила), наш великий русский поэт, написал на 19 октября множество дивных стихов...» Я, конечно, смотрела на нее, хлопая глазами, но запомнила на всю жизнь. А потом я сделалась сама такой пушкинисткой, могу вам множество стихов прочесть Пушкина, я его обожаю. И четыре главы выучила подряд «Онегина».

Мой отец, хотя был юрист, но в душе он был художник. У него была прекрасная небольшая коллекция картин. Старший мой брат был музыкант, очень одаренный. К нам Танеев прислал своего любимого ученика, который готовил его в филармонию. Так что в доме звучала музыка без конца. Начинался ведь Художественный театр, мы слышали с детства разговоры, впечатления. Была опера Солодовникова, где молодой Шаляпин выступал, шел «Садко» с декорациями Врубеля. Я даже маленькая запомнила, как была замечательно одета царевна Волхова, по костюму, который нарисовал Врубель. Ведь он был женат на этой чудной певице, сейчас не помню...

Валентина Федоровна Тейдер: Забела-Врубель ее фамилия.

Н.В.: Забела-Врубель, да. У нее на голове была раковина надета. Она была вся в длинных красивых <нрзб.> А теперь вылезает какая-то тетка, на ней надет страшный кокошник блестящий... какая же это? Там встреча двух миров — реальности и фантастики. А наш знаменитый режиссер ничего не понимает. Я даже хотела написать Покровскому Борису Александровичу, который по юности говорил, что он ученик... Вы что, уже завели?

В.Д.: Очень жалко было упускать.

Знакомство с семьей Весниных

Н.В.: Теперь начнем. Я начала не с того, у меня план свой, совершенно определенный. Знакомство с семьей Весниных началось через нашего друга, доброго и прекрасного человека Владимира Александровича Носёнова. Дело в том, что в это время он в деревне Иваньково, около Покровского-Стрешнево, строил себе дачу подмосковную. И кто же строил ее? Строил ее молодой талантливый архитектор Леонид Александрович Веснин совместно с художником Виктором Андреевичем Симовым, первым декоратором Художественного театра. Через Леонида Александровича он познакомился со всей семьей, наш дорогой Владимир Александрович, и пришел в восторг от этой семьи. Он сказал, что давно не видал таких деликатных, таких талантливых, интересных молодых людей. Их было трое братьев: Леонид, Виктор и Александр.

В.Д.: Александр — старший?

Н.В.: Нет, старшим был Леонид Александрович, который строил эту дачу. В один прекрасный день, а осень была тютчевская прямо, знаете, золотая осень, Владимир Александрович пригласил нас смотреть на достраивающуюся уже дачу. И мы приехали. Кто были «мы»? Это была я, моя старшая сестра и третья (нас было четыре сестры, Багриновских), потом я расскажу, в следующей главе, про нас. Когда

мы приехали туда, то тотчас поняли, что это вовсе не дача, а настоящая прекрасная вилла, двухэтажная, построенная в норвежском стиле, очень красивая и очень стильная. Там Леонид Александрович не только проектировал внешний ее вид, но сделал и мебель, и расставил эту мебель, как надо, проектировал и внутренность дачи. И там-то мы с ним познакомились. Леонид Александрович Веснин был тогда очень красивый. Он был плотный блондин, со светлой головой и светлыми усами, бородкой, очень красивыми голубыми глазами, плотный, выше среднего роста, очень приветливый и милый. Он нам все показал, и с этого началось знакомство с Весниными.

Братья Веснины с родителями и сестрой. Слева направо: Виктор, Александр (отец), Александр, Леонид, Елизавета (мать), Лидия (сестра). Фотография 1890-х гг. Источник: wikipedia.org

В.Т.: Наталья Михайловна, а когда это было, в какие годы?

Н.В.: Я сейчас скажу. 908-й — 909-й. Да, это было в 1909 году.

В.Д.: Как раз когда я родился (усмехается).

Н.В.: Как это было давно! Ну, дальше так. Владимир Александрович сказал, что по своим устремлениям, интересам и жаркой любви к искусству нам с ними будет очень понятно все, очень интересно, и он мечтает нас подружить. На следующий год, то есть в 1910 году, мы сняли там по его совету дачу, вблизи. Там тогда было очень небольшое, за Стрешневым, небольшое дачное место, и мы там поселились. Теперь я скажу, кто мы.

В.Д.: Покровское-Стрешнево?

Н.В.: Нет, Стрешнево — станция, а это за ней...

В.Д.: За деревней?

Н.В.: Нет, за деревней Иваньково, теперь там неузнаваемо...

В.Д.: Я помню деревню Покровское-Стрешнево, хотелось себе представить зрительно.

Н.В.: Нет, деревни не было, там не было, в Покровском-Стрешнево. Там было имение графини <нрзб> Стрешневой, окруженное громадными красными заборами, это был просто какой-то замок.

Теперь я расскажу о нашей семье. В это время мы переживали очень трудные годы, потому что за три года до того, то есть в 906-м году, скончался наш замечательный отец. Это был необыкновенно изящного ума и острого ума человек, которого страшно ценила вся адвокатура, потому что он блестящий был юрист. Сперва он был товарищ прокурора, потом перешел на адвокатуру. Мы его все благоговейно любили. И когда он скончался от сердечного припадка, сорока пяти лет всего, мать моя осталась с семью детьми на руках. Очень трудные годы. Но она, несмотря на то, что была бывшая институтка и жила двадцать лет за спиной такого крупного адвоката, в полном достатке, она показала такое мужество, боролась с жизнью и сохранила всю семью. Наши две хорошо обеспеченные тетки, одна была за младшим братом Станиславского, а другая за профессором Вениамином Михайловичем Хвостовым, хотели нас растащить. Одни хотели двух девочек взять, другие — других. Мама сказала: «Я семью разрушать не дам». И мы все остались, и это было очень верно. В то время, когда отец умер, мне было пятнадцать лет, моей старшей сестре семнадцать и младшей двенадцать. Ольге Михайловне Вавиловой, это моя родная сестра. Она была замужем за Сергеем Ивановичем.

Мы все-таки были молоды, были окружены удивительным вниманием, около нас кружило множество талантливой молодежи.

Каждую неделю у нас собирался молодежный кружок высоко настроенных молодых людей и девушек. Мы читали доклады, слушали музыку. У меня очень рано появился хороший голос, я пела. И всегда какие-то новые входили в наш круг люди. Такими новыми стали и Веснины, братья Веснины.

Теперь о них скажу.

В чем же состоял, каков был состав их семьи, когда мы с ними познакомились? Вот какой. Старик отец, разбитый ревматизмом, которого возили в кресле. Три брата. Леониду, наверное, было лет тридцать, моему будущему мужу лет двадцать восемь и Александру Александровичу, младшему, они погодки были, тут трудно сказать, ну, двадцать семь, можно сказать.

В.Д.: Как, разве Александр Александрович младший?

Н.В.: Да. Казался всегда старше, потому что он такой усатый, бородатый

Веснин Александр Александрович (1883 — 1959). Источник: wikipedia.org

В.Д.: Дед просто.

Н.В.: Да, да. Надо сказать, то, что мне рассказывал Виктор Александрович, семья их была, что называется, просто патриархальной. Это была купеческая семья, но очень развитая. Они получали газеты, мать их кончила гимназию. Она была Ермолаева, это был пивоваренный завод, который гремел на всю Волгу. Знаменитое ермолаевское пиво. Красивая, высокая, с прелестными руками, стройная. Когда мы познакомились, ее уже не было, она умерла от родов последнего своего ребенка. Значит, семья таким образом: три брата, старик отец, затем их сестра, необыкновенно застенчивая, замкнутая в себе, прямо какая-то монахиня, и маленькая девочка, роды которой принесли смерть матери.

Вот такой состав был семьи. Так и вышло, по предположению нашего дорогого Владимира Александровича, что мы как-то очень поняли друг друга, у нас общие были интересы. Время-то какое было! Ведь был расцвет русской культуры, Художественный театр, все спектакли, совсем новые ставились один за другим, затем Скрябин, Рахманинов. Мой брат, который был рецензентом двух крупных газет, мне давал постоянно контрамарки, и я слушала, даже слушала, как дирижировал Рахманинов. Это было чудо настоящее. Как он держал в своих руках весь оркестр, как этот оркестр, прямо не отрываясь, на него глядел. Это был какой-то магнетизм волшебный. Так что, понимаете, жизнь была очень хорошей: выставки, Серов, «Мир искусства», это же все было страшно интересно. Александр Бенуа и другие, всех уж и не вспомнишь.

Но братья жили в Ленинграде, они никак не могли закончить свой Институт гражданских инженеров,

потому что увлекались и политическими движениями, и учились в школе Ционглинского. Был такой замечательный художник, у которого они просто учились рисовать, они все великолепно рисовали. Я потом вам могу показать портреты. Я сдала все в архив, потому что когда Виктор Александрович умер, я думала, что не переживу его, такое это было горе. И сейчас же все отдала в Дом архитектора, все сделала правильно, конечно.

В.Д.: В Дом архитектора?

Н.В.: Нет, в Музей архитектуры имени Щусева. У них архив находится в Донском монастыре.

Значит, время, как я говорю, было замечательное. И те люди, которые чувствовали искусство, а мы с детства были пробуждены к этому, все нас интересовало: и музыка, и живопись, и литература, и поэзия, все, все, все. Наш дом был этим полон, и тем же были полны и наши товарищи. Поэтому Владимир Александрович сказал, что у вас настолько общее с Весниными духовное содержание, что я не сомневаюсь, что вы найдете настоящий контакт. Так оно и вышло. Никаких у нас матримониальных...

... Мы были девушки очень высоко настроенные, не думали ни о том, чтобы обязательно выйти замуж и устроить свою судьбу — ничего подобного. Мы были бедны, но горды.

В.Д.: А вы были бедны после смерти отца?

Н.В.: Ничего не осталось.

В.Д.: Отец ничего не оставил? Но все-таки у богатого адвоката должны были быть какие-то сбережения?

Н.В.: Он держал лошадей, полный дом прислуги, покупал великолепные картины, вообще жил нараспашку. И мама никогда его не упрекала, она всегда говорила, что как хорошо, что Миша пожил так, как ему хотелось.

В.Д.: А чем же вы потом все-таки жили? Мама-то?

Н.В.: Мама получала, во-первых, крошечную пенсию, потом сестры ей как-то понемногу помогали, все-таки родня была. Кроме того, она давала уроки, она сама была великолепной преподавательницей.

В.Д.: Чего? Языков?

Н.В.: Всего. Литературы... у нее были уроки. А в то время, когда мы познакомились с Весниными, мы тоже со старшей сестрой давали уроки, конечно, чтобы помочь матери. Тут, значит, завязалась наша дружба с Весниными, которая непрерывно длилась. А в 915-м году Виктор Александрович, который очень всегда был застенчив, никак не мог решиться объясниться...

Замужество

В.Д.: (смеясь) Вы помогли?

Н.В.: Нет, никогда, что вы! Я такая была гордячка, ничего не помогла. Но, одним словом, это свершилось.

В.Д.: Но вы «пушкинистка», решили быть как Татьяна.

Н.В.: Нет, нет. Ведь Татьяна... между прочим, мне всегда очень странно. Тут Пушкин что-то такое... Не было тогда таких девушек, которые бы сами. Но, по-видимому, эта Вульф Анет¹, которая была в него влюблена,

она такая и была, это она ему написала. Вот так.

¹ Анна Николаевна Вульф (1799–1857) — дворянка, соседка А.С. Пушкина по имению и близкий друг, была влюблена в поэта. Между ней и Пушкиным была активная переписка, среди сохранившихся писем есть такие просьбы: «Во имя неба, уничтожьте мое первое письмо...»; «...Если вы получили мое письмо, во имя неба, уничтожьте его!»; «Ради бога, разорвите мое письмо...»; «Я пишу вам через Вяземского: он не знает, от кого письмо и поклялся сжечь его, если не сможет передать его вам»; «Уничтожьте мое письмо, когда прочтете его, заклинаю вас...»

Такое, собственно, наше знакомство. Теперь, значит, складывалось так. Леонид Александрович работал в Москве, бывал у нас довольно редко, а Виктор Александрович и Александр Александрович приезжали на каникулы. Старик с двумя дочерьми, у них был фельдшер, который возил его в кресле, за ним ходил. Была старая, довольно угрюмая тетка, которая вела хозяйство, помогала Зинаиде Александровне, которая, я вам говорю, была до того застенчива, скромна, просто невозможно. Она, между прочим, была очень талантливой музыкантшей и брала, когда отец был жив, у самых крупных наших профессоров уроки музыки. Но никогда никому не играла. Запиралась и играла сама для себя. Вот такой тип, страшно застенчивый.

Когда мы поженились, то поселились сперва у них.

В.Д.: 15-й год?

Н.В.: Это было в 15-м году, уже шла война. Да. Но война была тогда не такая, она где-то шла...

В.Д.: Далеко-о...

Н.В.: Очень далёко, далёко. Наоборот, Москва роскошествовала. Приезжали офицеры. Кузнецкий мост был полон всяких роскошных товаров, бриллиантов, мехов и так далее. Очень было странно это все. Там кровь, а здесь вот такое. Наш дорогой Леонид Александрович был призван и попал в ужасные условия. Он попал, знаете ли, в окружение немецкое, в болота. Там он простудился и получил ужасающий ревматизм, от которого в конце концов и умер пятидесяти двух лет. И, конечно, когда он вернулся с войны, больной, братья так за ним ухаживали, устраивали его к лучшим докторам. Я помню, как мы его навещали... Такой доктор Постников, у него была своя небольшая... Не знаю, был ли он гомеопат, но во всяком случае, он был хороший врач.

Мы навещали, и казалось, что он выздоровел, но, по-видимому, все-таки было трудно с этой болезнью. И тут... какой же это был год? Не помню. Одним словом, он поехал в Мацесту второй раз, потому что в первый раз Мацеста ему очень помогла. Но ведь это очень острое лечение, очень, и не все его выдерживают. Тут был такой профессор Кабанов, который его туда послал. Нельзя было ему туда ехать. И там он умер. А Виктор Александрович в это время уже достраивал свою электростанцию, Днепровскую², ведь это он автор этой замечательной... теперь все испортили. В это время он повез своего брата Александра туда. Я получаю грозную телеграмму: «Немедленно вызывайте братьев. Леонид Александрович. Накануне». Я со страшным трудом дозвонилась на Днепрострой, они немедленно туда поехали. Их любовь к брату такая была трогательная, что я потом получила письмо от медицинского персонала. Они за ним ходили, как за больным ребенком. Они жили там, сняли комнату, и 12 октября 1933 года он скончался.

² Днепровская гидроэлектростанция (Днепрогэс) была построена в 1927–32 годах, а во время Великой Отечественной войны разрушена, и восстановлена в 1944–50 годах.

Тогда я была очень молодая, но поняла, что нам, молодой семье, надо отделяться, потому что моя натура артистическая, нетерпеливая и страстно любившая искусство и свое пение, мне было там, по правде сказать, тесно с такой очень хорошей женщиной, как Лидия Александровна. У них совершенно был другой уклад, понимаете?

В.Д.: Наталья Михайловна, извините, боюсь нарушить ваш план, меня очень интересует ваша характеристика круга, и попутно мне интересны «Мир искусства», Серов, конечно, может быть, Рахманинов, Скрябин и так далее. Ну и, новейшие течения литературы и искусства вас затронули как-то

или вы от этого отшатывались? Того времени? Акмеисты, футуристы?

Н.В.: Того времени, нет, совсем не отшатывалась. Ведь Александр Александрович и сам был левый художник. Но мне это не нравилось. У нас бывал Татлин.

В.Д.: Татлин бывал?

Н.В.: Конечно, и не только что бывал, а надо сказать, Веснины его поддерживали, они ему нанимали мастерскую на Остоженке. Хожу, [смотрю] на этот дом и вспоминаю...

В.Д.: Ага, а Хлебников бывал?

Н.В.: Нет.

В.Д.: А Маяковский?

Н.В.: Нет, поэты нет. С Маяковским Александр Александрович был знаком, а мы нет. Дело в том, надо сказать, что Виктор Александрович не очень любил общество, он так был погружен. Я ему всегда говорила: «Ты одержимый своей архитектурой, одержимый». Потому что это было такое, понимаете, увлечение своим делом, такое страстное увлечение! Потом ведь надо сказать, что когда они начали заниматься в Институте гражданских инженеров... ведь Леонид Александрович кончил еще другой, он кончил Академию художеств, занимался у Леона Бенуа, не у Александра, а у старшего, который был архитектором. И благодаря этому они пользовались библиотекой Академии художеств и добавляли, изучали там искусство во всех его проявлениях. И когда, наконец, отчасти под нашим влиянием... я забыла сказать, нас было четыре сестры, я забыла рассказать про нашу семью.

О сестрах

В.Д.: Ну да, вы рассказывали о всей семье и сказали, семь человек детей, а назвали только трех.

Н.В.: Да, я трех девочек назвала. А был у нас старший брат, он был музыкант. Он рано женился. Блестяще кончил филармоническое... Тогда ведь была консерватория и была филармония. Он с золотой медалью кончил как дирижер и композитор, и его пригласил Зимин, он дирижировал в Опере Зимина³, и писал романсы, и был очень известен одно время.

³ Оперный театр Зимина — частный оперный театр, созданный в 1904 году в Москве С.И. Зиминным, меценатом и театральным деятелем. В 1917 году был национализирован, а в 1924 году преобразован в филиал Большого театра.

Следующая сестра моя, Татьяна, очень рано вышла замуж. Она кончила филологический факультет Университета московского и была, собственно, искусствоведам, по французскому искусству. Она вышла замуж за Николая Павловича Пахомова. Она была хранитель, старший хранитель Музея новой западной живописи, тогда Терновец там был. И Таня там была. Она была блестяще образована, прекрасно говорила по-французски и очень тонко разбиралась. Но здоровье у нее было хрупкое, и страшно жалко, что она никакой степени искусствovedческой... не достала себе.

В.Д.: А кончила историко-филологический? Тогда искусствovedческого отделения в университете не было.

Н.В.: Да. У Матвея Никанорыча.

В.Д.: У Матвея Никанорыча?

Н.В.: Да, Розанова. Он ее очень ценил. Она вышла замуж, у нее был замечательный сын, который пропал на этой войне. Двадцати четырех лет он защищал (он был биолог) кандидатскую, а университетский совет дал ему сразу доктора наук. Он был бы академиком, блестящий талант. Первым браком она была за другим, за Сергеевым, Михаилом Сергеевичем Сергеевым, тоже искусствоведам, очень талантливым, который рано очень умер. Вот сестра моя старшая.

Теперь следующая я. Я кончила Московскую консерваторию у знаменитого профессора Мазетти⁴, который был учителем Неждановой⁵. Потом поступила в Оперную студию Станиславского, там была года два. Но тут он уехал в Америку со всем театром, тогда я стала давать камерные концерты. Вон у меня афиш много — в Малом зале консерватории, в Доме ученых, в «Мосфильм» меня посылали с крупными певцами.

⁴ Умберто Мазетти (1869—1919) — итальянский вокальный педагог, воспитал плеяду выдающихся русских певцов. С 1899 года был одним из ведущих профессоров Московской консерватории.

⁵ Антонина Васильевна Нежданова (1873 — 1950) — российская оперная певица, педагог. Окончила Московскую консерваторию по классу Умберто Мазетти в 1902 году, после была солисткой в Большом театре. С 1936 года преподавала в оперной студии ГАБТ, Оперной студии имени К.С. Станиславского, в 1943—1950 годах — в МГК имени П.И. Чайковского (профессор с 1943 года).

Но тут грянула война, война, которая рикошетом убила и Виктора Александровича, потому что он был в это время президент Академии архитектуры. Я его умоляла не брать этого административного поста, потому что он был слишком кроток, слишком деликатен. Там громадный был коллектив, я его умоляла этого не делать, но он меня не послушал. И вот нас отправили туда, и там он заразился страшной болезнью, никто нас не предупредил. Он получил плоского червя в печень, это называлось <нрзб>.

В.Д.: Устали?

Н.В.: Нет, нисколько.

В.Д.: Вы вздыхаете...

Н.В.: От воспоминаний. Я в стране воспоминаний. Но мы были очень разные с Виктором Александровичем. Он выстроил мне в подарок дачу, сам же организовал такой дачный кооператив под Истрой городом, да, там красивые места, прелесть! У нас был там дом прекрасный, и у нас жили, обслуживали нас, две монахини. Одна из них, беглая, из Волоколамского монастыря, очень достойная женщина, она всегда так говорила. Это можете не записывать. Она говорила: «Ну, Виктор Александрович у нас аскетик, а Наталья Михайловна совсем другая — смелая, веселая. Они, — говорит, — совершенно разные люди» (*смеется*). Вот ее характеристика народная.

В.Т.: Но это не мешало вам находить общие интересы.

Н.В.: Конечно, что вы, мы очень любили друг друга.

О братьях Весниных

В.Д.: На этом, так сказать, заканчивается то, что вы подготовили?

Н.В.: Да. Но я вам, может быть, и не все сказала, мне трудно так... Дело в том, что я сейчас пишу гораздо более подробно. И когда напишу, могу вам отдать. Я про братьев хочу, они ведь были очень разные. Леонид Александрович был очень мужественный, мужественный и гораздо более, если можно так выразиться, светский человек. Шура был настоящий художник, погруженный, действительно, великолепный художник, театральный художник, в кино. Дивные были постановки в Камерном театре, замечательные. Вы «Федру» не видели?

В.Д.: «Федру» я не видал.

Н.В.: «Человек, который был Четвергом», это уж архисовременная вещь. Но «Федра» была необыкновенно красивая постановка, хотя, конечно, не все ее принимали, потому что это было смелое новаторство, как и их архитектура. Ведь когда мы познакомились, еще надо добавить, они еще работали не в том новом стиле, который они, собственно, учредили в СССР. Они были, так сказать, зачинателями нового стиля, современного. Первое, что я узнала, они замечательно строили конюшню для Манташева. Она ведь в ужасном виде стоит, перпендикулярно к Ленинградскому шоссе, в начале, в Петровском парке. Это было очаровательно, это был дворец лошадиный настоящий.

В.Д.: Там еще на воротах кони?

Н.В.: Вот-вот, потом наверху был флюгер с конем, фонарь такой, это была горбатая крыша. Этот проект сохранился, он один из первых. Одним словом, эта конюшня просто очаровательна. Я помню, когда они нас привели, мы просто ахнули.

Конюшни Леона Манташева. Здание построено в 1914 – 1916 годах по проекту братьев Весниных, Москва, Скаковая улица, дом 3. Источник: pastvu.com

В.Д.: Александр Александрович Веснин, и все Веснины считались, были членами ЛЕФа?

Н.В.: Нет, не все. Только один Александр Александрович. Они теперь в ужасном запустении, это ужасно. Такой красивый дом! Надо отметить, что до войны их работой была конюшня, потом вот эта дача, Леонида. Потом был замечательный телеграф на Мясницкой.

В.Д.: Ах, это их? Это прямо напротив ВХУТЕМАСа, на углу.

Н.В.: Это их проект. Строил какой-то инженер, а фасад — это все веснинское совершенно⁶. Вам обязательно эту книжку надо себе приобрести, но как ее достать? Теперь ее не достанешь. Она у меня, к сожалению, единственная, а то бы я ее вам подарила. Ну вот.

⁶ Имеется в виду фасад здания Главного почтамта по первоначальному проекту О.Р. Мунца. Постройка 1911 года, Мясницкая улица, 26.

Теперь, когда пришла война, то никакие частные заказы <нрзб>, естественно совершенно. Не совсем, потому что такой Бурнаев-Куручкин, очень богатый кинешемский купец, стал строить химический завод, потому что для войны это нужно было. Виктор Александрович сделал там очень интересный завод, своеобразный. Не обычный, знаете, квадраты, и все, а просто красивое здание получилось, с такими

контрфорсами... Вы сами не архитектор?

Особняк Курочкина-Бурнаева, построенный В.А. Весниным, 1915 год. Заволжск, Ивановская область. Источник: wikimedia.org

Конструктивизм

В.Д.: Нет, я филолог. У меня друг архитектор. И на самой заре своей юности, только что кончив университет, я неполный год работал журналистом, о чем, вообще-то говоря, жалею. И моя работа как раз попала на то время, что надо было интервьюировать архитекторов, поэтому я лично знал и Колли⁷, и Бурова⁸... А кроме того, мой ближайший приятель, сверстник, кончал ВХУТЕМАС.

⁷ Николай Джемсович (Яковлевич) Колли (1894 — 1966) — советский архитектор, окончил ВХУТЕМАС, работал над проектом Казанского вокзала, создал проект дома «Новая Москва» на Ленинградском проспекте. Был главным архитектором Архитектурно-проектировочной мастерской №6 и проектировал станции Московского метро «Смоленская», северный павильон «Парк культуры», «Чистые пруды» («Кировская»), «Павелецкая кольцевая».

⁸ Андрей Константинович Буров (1900 — 1957) — советский архитектор, учился в мастерской А.А. Веснина в ВХУТЕМАСе. По его проектам построили несколько павильонов на Всероссийской выставке, создали сквер у здания Арсенала в Московском Кремле и оформили интерьеры теплоходов, курсировавших на линии Ленинград—Лондон. Создал архитектурные декорации к фильму «Генеральная линия» Эйзенштейна, оформлял спектакли в театрах Первого рабочего театра Пролеткульта и Революции. Создал «Ажурный дом» («Буровский дом») на Ленинградском проспекте 27 при участии художника В.А. Фаворского. Проектировал новые интерьеры Исторического музея в Москве, построил «Генеральский» жилой дом в Лефортово, перестроил фасад Центрального Дома архитекторов в Гранатном переулке 7.

Н.В.: Кто это?

В.Д.: Кирилл Афанасьев.

Н.В.: Нет, не знаю. Одним словом, это был рубеж нового совершенно направления. От этого завода, от заводской постройки, очень красивой, но страшно категоричной, без всяких украшений лепных и все такое, началось новое у них — переворот мысли. Они стали строить современные дома совершенно по другому принципу.

В.Д.: Архитектурный конструктивизм.

Н.В.: Вот-вот, который вначале кляли, а потом все стали так же делать. И первый их такой дом был «Аркас», очень интересный, получивший большое распространение. А тут, между прочим, очень интересно (*указывает на фото*), Александр Александрович сидит с Корбюзье. Не то, что они подражали французам, нет, это было собственное, собственное течение. Во всяком случае, никакого контакта не было ни с одной стороны западной.

Ле Корбюзье, братья Веснины и Андрей Буров. Москва, 1928 г. Источник: corbusier.totalarch.com

И началось новое совершенно направление, которое вначале страшно ругали, потому что у нас не было нужных материалов. Для того чтобы получилась современная вещь, надо, чтобы был великолепный камень, все, знаете, по-настоящему. А что у нас? Ничего не было, просто грязный бетон и больше ничего, поэтому очень трудно, и бетон-то не умели как следует (*смеется*). Да-а. И тут были страшные битвы.

В.Д.: Журнал «Современная архитектура»?

Жолтовский, Щусев и другие

Н.В.: Да. Жолтовский называл их не архитекторами, а только инженерами, а сам хватал... Я сама видела, мы же были с Виктором Александровичем в Италии в 35-м году, в замечательном городе Виченца, а там почти в каждом городе свой архитектор, и там Андреа Палладия. И я увидела, что в Жолтовском все это не его, он просто брал какое-то здание раннего, может быть, даже и позднего Ренессанса и пересаживал его на нашу почву.

Вот я сейчас вам нарочно расскажу про него. Когда к Москве подходили немцы, он сделал у себя совещание. Он умел завораживать умы молодых архитекторов, они перед ним... Он очень был образованный, хитрый, умный поляк. И что же он устроил? Это я никому, собственно, так широко не распространяла, а следовало бы, потому что он просто изменник настоящий. Что он сделал? Он созвал молодежь, которая ему верила, и вдруг заявил так: «Не все ли нам равно, будем мы работать для немцев или для русских. (Можете себе представить — патриот!) Вспомните наших великих итальянцев? Тот же Леонардо да Винчи, он то у греков, то у <нрзб>, из одной провинции итальянской к другой переходил и не считал это позорным». Представляете? Это накануне того, как рвались немцы...

В.Д.: К Москве уже? В начале войны, то есть в 41-м году?

Н.В.: Да. А это рассказал при мне Виктору Александровичу Щусев Алексей Викторович, который у нас был. Сказал, вот что Иван Владиславович выделывает! А его имени теперь улица. Мне так хочется его разоблачить, но я молчу пока. А мне поверили бы, есть еще люди, которые могут свидетельствовать о том, как это было.

В.Д.: И Щусева вы тоже знали?

Н.В.: Конечно, он здесь бывал. Как-то раз, смотря на эту картинку: «Откуда у вас, Наталья Михайловна, Терборх?» Это голландец. Я случайно ворованную картину купила, по-моему, она ворованная из какого-то немецкого музея. Какой-то в рваной шинели пришел ко мне человек, говорит: «Не надо ли вам картинку? — Покажите». Мы дорого заплатили. Великолепная вещь!

В.Т.: После войны сразу?

Н.В.: Да-да-да. Тогда у нас многие воровали тоже, ведь это только так говорится — наташили. Вот эта знаменитая отвратительная певица, которую многие любят, Любовь Андреевна, как ее, кабацкие песни-то поет. Вы знаете... «Валенки» какие-то.

В.Т.: Так это Русланова⁹.

⁹ Лидия Андреевна Русланова (1900 — 1973) — советская певица, исполнительница русских народных песен, которые она сама собирала. Среди наиболее популярных ее песен: «Степь да степь кругом», «Липа вековая», «Я на горку шла», «Златые горы», «Окрасился месяц багрянцем», «Светит месяц», «Валенки». Одной из первых исполнила «Катюшу».

Н.В.: Вот, вот. Она с каким-то своим другом генералом привезла целый вагон, награбила. Ее же посадили, и генерала посадили, а дальше я не знаю. Но это факт. Только вы это вычеркните.

В.Т.: Да, нет, это известный факт.

Н.В.: Да? Но это неприятно будет, я никому зла не желаю.

В.Д.: А Щусев, Алексей Викторович. О нем тоже очень по-разному говорят.

Н.В.: Это был циник, только высокого качества, очень высокого, а по существу очень циничный человек. Не в дурном смысле, а в высшем философском. Так что ему ничего не стоило и так работать, и так, и иначе работать. Но тут был один факт, где мой благороднейший Виктор Александрович его защитил. Дело в том, что он работал над этой гостиницей «Москва» с двумя архитекторами. Один Афанасьев, а другой... забыла. Они вдруг написали на него ужасную жалобу, что он все приписал себе, обвиняли его просто бог знает в чем. И был страшный скандал в архитектурном кругу. И тогда они в Союз обратились, и почти все подписали, а Виктор Александрович отказался, потому что он считал, что это ложь, и он уважал Алексея Викторовича. Тогда Алексей Викторович сказал: «Один Веснин оказался благородный человек». Сама слышала.

Юрьевец

Надо сказать, что это были люди высочайшего благородства, деликатности, скромности. Как-то

я наблюдала... когда здесь начался голод страшный, Виктор Александрович получил возвратный тиф. Это было в 20-м, по-видимому, году. После этого он так исхудал, я все боялась, что он умрет. И в это время ему предложил ВСНХ, «Химоснов» — там было такое отделение, строить первый суперфосфатный завод под Нижним. И я решила, что надо нам туда ехать, что он будет там жить на воздухе и поправится. И мы туда переехали и там жили. Он выстроил там интереснейший завод, первый раз такое арочное было здание. Оно здесь снято, кажется. И мы там жили, и он, действительно, все-таки там отдышался.

В.Т.: Это в Нижнем Новгороде?

Н.В.: Под Нижним, это место называется теперь Дзержинск. Там вырос колоссальный химический город, а тогда это был Чернореченский завод химический. Назывался Чернореченский химический завод.

Хотелось еще отметить удивительно любовное отношение друг к другу в этой семье. Как они относились трогательно к своему отцу, вы не можете себе представить. Прямо его берегли, лелеяли, но он был разбит ревматизмом и умер. Он умер, сейчас вспомню, по-моему, в 910-м году, когда уже мы были с ними знакомы, так что мы ходили его хоронить. Его отпевали. Он такой был замечательный, просто гражданин своего Юрьевца, так всеми был уважаем и любим, что братья повезли его гроб туда, там могила, теперь она восстановлена, там их мать похоронена. И узнав, весь город приехал, пришел на пристань встречать гроб с телом. Страшно его уважали, он был добрый необыкновенно человек.

Но их дом затопили, потому что Волгу-то подняли... И уже не существует ни дом, ни сад. Но оказалось, что у них был еще второй какой-то дом был, не то управляющий там жил. Я очень жалею: не отстояла их бывшую квартиру. Дело в том, что у них дом 12, улица Весниных, прекрасное, собственно, место для музея. Но у меня разразился в то время такой артрит, что я не могла с постели подняться, так у меня все болело: плечи, колени, все. Только гимнастика меня вылечила, и то опять все болит. И поэтому я была совершенно калека и не могла как следует за это дело приняться.

В.Д.: А тот Дом-музей Весниных¹⁰, который сейчас организуется, он не в том доме? Собственно им принадлежащий не сохранился?

¹⁰ Дом-музей Весниных расположен по адресу Ивановская область, г. Юрьевец, въезд Весниных, д. 8. Был открыт 15 января 1986 года, занимает двухэтажный этажный особняк.

Н.В.: Нет, тот затоплен, его не существует, так что при всем желании... Но это прелестный городок, городок совершенно в нестеровском стиле: с холмами многими, многими сохранившимися церквями, с елочками нестеровскими. Прелестный образ этот городок у меня оставил. Этому городу, представьте себе, семьсот пятьдесят лет, древний город. Конечно, он был крошка в свое время, но там был храм большой, собор, в котором Александр Александрович-старший был всегда церковным старостой, когда жил там. Это была очень религиозная, патриархальная купеческая религиозная семья, но без тех пороков, что описывал Александр Николаевич Островский. Повышенная нравственность была, истинно христианская. И дети были очень счастливые, очень. Их богатый дедушка им даже, например, такие подарки — прислал тройку пони. Вот такие подарки им делали. Мамаше, когда она выходила замуж, тоже сундуки с мехами, жемчугом, бриллиантами. Все это было. Ну, потом все...

В.Д.: Конечно, забрали, понятно. А отец, значит, не дожил до революции?

Н.В.: Нет. Но вообще они вели с ним большие споры, потому что были настроены очень лево.

В.Д.: Кто-нибудь из них был в какой-нибудь партии в то время?

Н.В.: Нет. Они были беспартийными. Виктора Александровича осаждали, когда он был президентом. Я всегда говорила, не надо, у него слабое здоровье. Ни Сергей Иванович, мой зять дорогой...

В.Д.: Вавилов?

Н.В.: Ни Вавилов, ни Виктор Александрович не были в партии, их руки не замазаны кровью, которую Сталин проливал так обильно. Нет, нет, они были, как потом кто-то придумал, «беспартийные большевики» (*смеются*). А по своей настроенности, конечно, они были революционно настроены.

Вы знаете, я наблюдала, как простой народ любил Виктора Александровича. Мы ходили с ним иногда вместе на постройку туда, на завод. Это было недалеко, мы жили в Растяпино, село чудесное на берегу Оки, версты полторы было до завода химического. И стоило нам прийти — «Виктор Александрович! Виктор Александрович!» Знаете, так сразу улыбка до ушей. Любили его. Он умел как-то к народу подходить, понимал его.

В.Д.: Можно спросить, кого вы еще знали? Вот Корбюзье, а советских, скажем Михаила Моисеевича Гинзбурга вы встречали? Гинзбурга, который дома на ножках выдумал?

Н.В.: Моисей Яковлевич¹¹ его звать. Конечно, он у нас просто бывал здесь. В полном содружестве, у них была одно время общая мастерская. Моисей Яковлевич был очень интересный и умный человек. Я никогда не забуду, какую он сказал горячую речь, когда привезли тело Леонида Александровича. Это было невероятно, какая была встреча, сколько было народу, когда они привезли его из Мацесты. Моисей Яковлевич был очень интересный, умный человек, талантливый.

¹¹ Моисей Яковлевич Гинзбург (1892 — 1946) — советский архитектор, один из лидеров конструктивизма.

Мне очень хочется достать... так вышло, что через год примерно после кончины Виктора Александровича в мастерской его имени была такая память. И я должна была быть. А я была в это время у Вавиловых на даче под Звенигородом. Где и у меня была дача вторая. И я очень простудилась. Знаете, бывает такой насморк — водопадный, и я не могла ехать. А там были замечательные выступления, как раз один из его сотрудников, Сергей Александрович Маслих. Потом эта статья была где-то была напечатана. Я хочу ее раздобыть и в музей отдать.

Алферовская гимназия

...они у меня есть оба. Александра Самсоновна¹², высокая, в бархатном платье, седая, с крупными губами и глазами. Страшно строгая, невероятно. И неприятно она себя вела. Она вела у нас математику, которую хорошо знала. Ведь тогдашняя математика была просто... ничего там такого. Теперь так повысился математический, даже гимназический курс — страшно. Но она заставляла нас сидеть, как закованных. Нельзя было ручку переложить с места на место.

¹² Александра Самсоновна Алферова (1868 — 1919) — основательница и директор частной гимназии для девочек в Москве, преподаватель математики. Расстреляна вместе с мужем по делу «Национального центра».

В.Д.: А Александр Данилович?

Н.В.: А Александр Данилович¹³ был совсем другой. Он нас очень любил, потому что и я, и моя сестра Татьяна Михайловна, потом Пахомова, были очень способные. Я пела, мы играли, он ставил спектакли. Я была Розина, а Таня, моя сестра, она была очаровательная женщина, играла Фигаро. Да. И такая была прелестная Фигаро, вы не можете себе представить. А наша подруга Сапожникова играла Бартоло, доктора.

¹³ Александр Данилович Алферов (1862 — 1919) — русский педагог, деятель народного образования. В 1896 вместе со своей женой Александрой Самсоновной Алферовой основал в Москве частную женскую гимназию. Был членом ее Попечительного совета и преподавателем русского языка и литературы. В гимназии применялись прогрессивные педагогические методы, поощрялась инициатива молодых учителей, гимназистки выпускали газету и участвовали в деятельности «Общества благоустройства». Проводились литературные вечера, ставились спектакли, организовывались экскурсии.

В.Д.: Вы знаете, Александр Данилович преподавал литературу, и осталась, у меня до сих пор есть, его книжка, которой пользовались уже мы в советской школе, «Допетровская литература и народная поэзия». Прекрасная книжка. И если бы уцелел, то он был бы, конечно, крупным литературоведом и педагогом.

Н.В.: Да. Он учился вместе с моим отцом в 1-й гимназии. Представьте себе. Нас напрасно отдали к Алферову. Нас надо было отдать, с нашей любовью к свободе, к искусству, надо было к Арсеньевой¹⁴ отдать, а вовсе не... Это была пуританская гимназия, пуританская. Это совсем нам не подходило.

Тем не менее, как раз Александр Данилович сказал: «Господи, если бы мне еще трех таких Багриновских, я бы такие здесь спектакли...» Он любил нас, мы были увлекательные девушки.

¹⁴ Имеется в виду женская гимназия С.А. Арсеньевой, женское учебное заведение в Москве, открытое в 1873 году.

В.Д.: Я помню, как Александр Данилович... я, конечно, у него не учился, он был директором и преподавал в старших классах, а я был пригостишка, первый класс тогда, потом третья группа называлась. Так он собирал всю школу, усаживались мы на полу амфитеатром. Малыши на полу, постарше на скамеечках, а задние стояли. И Александр Данилович читал. На всю жизнь у меня осталось чтение Александром Даниловичем аксаковской сказки «Аленький цветочек».

Александра Самсоновна и Александр Данилович Алферовы. Источник: wikipedia.org

Н.В.: А у нас он ставил спектакли, потом какие-то шарады необыкновенные. Я вам покажу, если вас интересует. Фотографии и Александра Даниловича, и Александры Самсоновны.

В.Д.: Она похожа *(рассматривают фотографии)*.

Н.В.: А вот это очень милая мадам, француженка. Она нас с сестрой очень любила, чувствовала в нас такую игру, французскую. А Каролина Ивановна была прелестная, наша классная наставница. Это все гимназическое. А вот это как раз «Фигаро», да? Я помню, мне надо было быть Розиной, у меня ничего не было. Я взяла мамину какую-то старую юбку шелковую, красивую, и завернулась в кружева.

